

МИФ О ТИФОНЕ В ПЕРВОЙ ПИФИЙСКОЙ ОДЕ ПИНДАРА (*Pyth.* 1, 15–28) И В *ПРОМЕТЕЕ ПРИКОВАННОМ* (*PV* 351–372)

Два интересующих нас текста, *Pyth.* 1, 15–28 и *PV* 351–372, являются единственными поэтическими свидетельствами извержения Этны, имевшего место в 479 г. до н. э.¹ Первая Пифийская ода Пиндара была написана в честь победы колесницы Гиерона Этнейского на Пифийских играх 470 г. Время создания трагедии *Прометей Прикованный*, к которой относится фрагмент, содержащий описание извержения Этны (351–372, далее – Тифоновский фрагмент), неизвестно. Среди исследователей, считающих эту драму произведением Эсхила, преобладает тенденция относить ее к последним годам жизни поэта, тогда как наиболее авторитетные сторонники атетезы склоняются в пользу 40-х – 30-х годов.²

Оба фрагмента сходны в изложении деталей мифологической характеристики Тифона, отсутствующих в тифономах Гесиода (*Th.* 820–868); в обоих извержение Этны впервые в известной нам традиции связывается с заключенным под ней Тифоном, и имеется ряд сходных деталей в описании самого извержения:³

	<i>PV</i>		<i>Pyth.</i> 1
351–352	Κιλικίων οἰκῆτορα ἄντρων	16–17	τόν ποτε Κιλίκιον θρέψεν πολύωνμον ἄντρον
352	δάϊον τέρας	26–27	τέρας θαυμάσιον
353	ἐκατογκάρανον	16	ἐκατοντακάρανος
354	πᾶσιν ἀντέστη θεοῖς	15	θεῶν πολέμιος
363–364	καὶ νῦν ... κεῖται	17	νῦν γε μάν
366	κορυφαῖς	27	κορυφαῖς
366–367	μυδροκτυπεῖ Ἴφαιστος	25–26	Ἰφάιστοιο κρουνοῦς ... ἀναπέμπει
368	ποταμοὶ πυρός	22	ποταμοὶ ... προχέοντι ῥόον καπνοῦ αἴθων'
369	καλλικάρπου Σικελίας	30	εὐκάρποιο γαίας
371	ἀπλάτου ... πυρπνόου ζάλης	21	ἀπλάτου πυρὸς

¹ *Marmor Parium* 52. Дата, выводимая из Фукидида (III, 116), 475 г., возможно, имеет приблизительный характер, поскольку он говорит, что извержение, которое имело место при его жизни (425 г.), произошло через пятьдесят лет после предыдущего. На примерность этой цифры указывает и глагол λέγεται.

² R. Bees. *Zur Datierung des Prometheus Desmotes* (Stuttgart 2001) 15–17.

³ Ниже приводится таблица сходных элементов по С. М. Bowra. *Pindar*

Кроме этого имеется проблема двух редких слов ἴπος (*Ol.* 4, 8: Αἴτναν... / ἴπον ἀνεμόεσσαν... Τυφῶνος ὄβριμου) и ἰποῦν (*PV* 365: ἰπούμενος ῥίζαισιν Αἴτναίαις ὕλο).

Эти обстоятельства на фоне отсутствия других свидетельств, которые бы связывали Тифона с Этной, в литературе архаики и классики приводят исследователей на протяжении уже более чем столетия к выводу о взаимосвязанности двух текстов.⁴

Решение вопроса об их соотношении предполагает, как будто бы, две возможности: либо один поэт повлиял на другого, либо оба черпали из третьего источника.⁵ Попытки установить влияние одного поэта на другого на стилистическом уровне до сих пор не увенчались успехом.⁶ Несмотря на это, в целом в науке утвердилось мнение, оспариваемое лишь немногими исследователями,⁷ о зависимости Тифоновского фрагмента *PV* от Пиндара. Оно основано на существующих представлениях о датировке *PV*, и поскольку таковые в большинстве своем тяготеют ко времени после 458 г., вопрос о приоритете автоматически решается в пользу Пиндара.⁸

Возможность существования третьего источника была выдвинута в свое время фон Мессом, который предположил, что оба поэта могли ориентироваться на не дошедший до нас псевдогесиодовский эпос о Тифоне.⁹ Это объясняло бы, по мнению фон Месса: наличие в обоих

(Oxford 1964) 377.

⁴ W. Christ. *Der Aetna in der griechischen Poesie*, Sitzungsber. der bayr. Akad., 1888, 1 (München 1888) 366; M. Griffith. *Aeschylus, Sicily and Prometheus // Dionysiaca. Nine Studies in Greek Poetry Presented by Former Pupils to Sir D. Page on his Seventieth Birthday* (Cambridge 1978) 118.

⁵ Griffith. *Op. cit.*, 118.

⁶ К этому выводу пришел уже Крист (прим. 4). В новейшей литературе см. Bees (прим. 2) 18: "Entweder hängt eine Passage direct von der anderen ab oder haben beide eine gemeinsame Quelle, jedoch ist Sicherheit in einer Richtung nicht zu erreichen".

⁷ A. Ardizzone. *Tifone e l'eruzione dell'Etna in Eschilo e in Pindaro // GIF* 30 (1978) 231–244. Паттони, которая является сторонницей эсхилловского авторства *PV*, хотя и упоминает исследование Ардиццони в своей монографии, в целом придерживается традиционной точки зрения о приоритете Пиндара: M. P. Pattoni, *L'autenticità del Prometeo Incatenato di Eschilo* (Pisa 1987) 50–51. Книга В. Marzullo, *I sofismi di Prometeo* (Firenze 1993) при написании этой работы была нам недоступна.

⁸ Среди сторонников эсхилловского авторства *PV* такому выводу способствует также распространенное представление о том, что в 470 г. на торжествах, посвященных основанию Этны, где была исполнена первая Пифийская ода Пиндара, состоялась постановка заказанной по этому случаю драмы Эсхила *Этнеянки* (см. ниже). Именно тогда как будто бы поэт мог познакомиться с произведением Пиндара, см. F. Focke. *Aischylos' Prometheus // Hermes* 65 (1930) 293 Anm. 1.

⁹ A. von Mess. *Der Typhonmythos bei Aischylos // RhM* 56 (1901) 167–172.

текстах деталей характеристики Тифона, отсутствующих в *Теогонии* Гесиода (*Pyth.* 1, 15 θεῶν πολέμιος / *PV* 354 †πάσιν ὅς† ἀντέστη θεοῖς;¹⁰ *Pyth.* 1, 16 ἑκατοντακάρανος / *PV* 353 ἑκατογκάρανον;¹¹ *Pyth.* 1, 16–17 τὸν ποτε Κιλικίον θρέψεν... ἄντρον / *PV* 351–352 Κιλικίων οἰκῆτορα ἄντρον);¹² схолий к *PV* 367, цитирующий *Pyth.* 1, 16–17 как стих Гесиода;¹³ совпадение версии Пиндара (*Pyth.* 1, 18: ταί θ' ὑπὲρ Κύμας ἀλιερκέες ὄχθαι) и Ферекида (*Schol. Ap. Rhod.* 2, 1210: τὴν Πιθηκοῦσσαν ἀντῶ περιριφῆναι νῆσον) о заключении Тифона под Питекуссами (совр. о-в Исхия в Неаполитанском заливе против древних Кум); наконец, появление в Тифоновском фрагменте *PV* трех анапестов первой стопы (из тринадцати во всей драме).¹⁴

Гриффит решительно отвергает гипотезу фон Месса на следующем основании: “the biggest objection to Mess’ theory of close imitation of a particular poem by both Pindar and Aeschylus is that it requires us to believe that a post-Hesiodic epic described in detail an eruption of Aetna, and linked it with Typhos”.¹⁵ Из его аргументации не совсем ясно, почему он считает это невозможным,¹⁶ но основанием для такого вывода, вероятно, является отсутствие в нашей письменной традиции четких указаний на извержения Этны до 479/5 г., а создание эпоса за девять лет, отделяющие извержение Этны от времени создания первой Пифийской оды Пиндара, безусловно, маловероятно. Таким образом, Гриффит оказывается перед необходимостью признать автором мифа о Тифоне под Этной одного из наших поэтов и отдает предпочтение Пиндару. Его главный аргумент, разделяемый и другими исследователями, основывается на соотношении каждого из пассажей с описани-

¹⁰ В тифономах Гесиода описывается единоборство Зевса и Тифона.

¹¹ В *Теогонии* такого эпитета еще нет, хотя Тифон и описывается стоглавым, *Th.* 825: ἐκ δὲ οἱ ὄμων / ἦν ἑκατὸν κεφαλαὶ ὄφιος δεινοῦ δράκοντος.

¹² Гесиод не связывает Тифона с определенной местностью. Позднейшие авторы относили Аримы, упоминаемые Гомером в связи с Тифоном (*Il.* II, 783: εἰν Ἀρίμοις, ὅθι φασὶ Τυφώος ἐμμέναι εὐνάς), к Киликии.

¹³ *Schol. PV* 351 a: Ἰστέον δὲ ὅτι ὁ Τυφῶς ἐν Κιλικίᾳ ἐγεννήθη, ἐκολάσθη δὲ ἐν Σικελίᾳ. καὶ Ἡσίοδος: “τὸν ποτε Κιλικίον θρέψαι πολυώνυμον ἄντρον”. По мнению фон Месса (прим. 9) 173, Пиндар мог позаимствовать этот гекзаметр из постулируемого эпоса и адаптировать его к метрической системе *Pyth.* 1.

¹⁴ *PV* 353: ἑκατογκάρανον, 366: κορυφαίς, 368: ποταμοί. Месс усматривал в этом влияние эпического гекзаметра. Однако ввиду необыкновенно большого количества анапестов первой стопы в *PV* в целом этот аргумент нельзя признать решающим (Griffith [прим. 4] 118).

¹⁵ Griffith, *ibid.*, 119.

¹⁶ “It would seem to be too great a coincidence that Pindar, when he came to tell a story immediately after the 479/5 eruption of Aetna, found a ready-made epic version” (*ibid.*, 119).

ем тифономахии в *Теогонии*. Поскольку в описании битвы Зевса с Тифоном в *PV* имеются многочисленные отсылки к Гесиоду, а у Пиндара они сводятся практически лишь к упоминанию Тартара (но у него отсутствует и тифономахия!), предпочтительнее думать, по мнению Гриффита, что автор *PV* использовал в качестве источников Гесиода (для тифономахии) и Пиндара (для описания извержения), чем наоборот, что Пиндар использовал *PV*, “вымарывая” из него Гесиода.¹⁷ При таком подходе мы вынуждены думать, что, зная Пиндар текст *PV*, он не преминул бы воспроизвести в своей оде и описание тифономахии. Тем самым заранее исключается какая-нибудь художественная мотивировка при заимствовании и признается возможность лишь механического копирования. В связи с этим в подробном анализе, который будет предпринят ниже, мы рассмотрим оба наших поэтических свидетельства в том числе и с точки зрения характера и целесообразности изложения мифа о Тифоне. Остается добавить, что свой вывод в пользу приоритета Пиндара Гриффит скрепляет, как и его предшественники, указанием на позднюю датировку *PV*.¹⁸

Одновременно с этим недостатком вывод Гриффита чреват еще одной проблемой. Следуя его логике, автором этиологического мифа об извержении Этны мы должны считать Пиндара. Однако помимо общей трудности, связанной с необходимостью считать этиологический миф “авторским изобретением”, есть достаточно оснований думать, что вулканический характер Этны и аналогичные явления на острове Питекусы, который Пиндар, как и Этну, связывает с Тифоном (*Pyth.* 1, 18), были грекам хорошо известны. Параллельная с пиндаровской версия Ферекида о Питекуссах ясно указывает на существование традиции, связывавшей Тифона с вулканическими явлениями на этом острове.¹⁹ Основанием для этого были многократные извержения вулкана Монте

¹⁷ Griffith (прим. 4) 119; Bees (прим. 2) 18.

¹⁸ Griffith, *ibid.*: “There is a fair body of evidence that *Prom.*, if Aeschylean, is to be dated to a late period of his life. There are many scholars who would be very reluctant to see the play pushed back to a date close to that of *Pers.*”.

¹⁹ *FGrHist* 3 F 54, *Schol. Apoll. Rhod.* 2, 1210: ὅτι δὲ ἐπὶ τὸν Καύκασον κατέφυγεν ὁ Τυφῶς διωκόμενος καὶ ὅτι καιόμενον τοῦ ὄρους ἔφυγεν ἐκεῖθεν εἰς τὴν Ἰταλίαν, ὅπου τὴν Πιθηκοῦσσαν αὐτῷ περιρριφῆναι νῆσον, Φερεκύδης ἐν τῇ θεογονίᾳ ἱστορεῖ. Ф. Якоби (F. Jacoby. *The First Athenian Prose Writer // Mnemosyne* III, 13 [1947] 28–33) считает ошибочной датой для акмэ Ферекида Афинского 456/5, приводимую хроникой Евсевия, и полагает, что его *Истории* могли быть опубликованы между 508/7 и, самое позднее, 476/5. Ср. G. Huxley. *The Date of Pherekydes of Athens // GRBS* 14 (1973) 137–143: несколько более поздняя датировка, 481–460 гг., которая, как и хронология, предлагаемая Якоби, хорошо соответствует ошибочной датировке в словаре Суды эллинистического писателя Фе-

Эпомео, о которых имеются как письменные, так и археологические свидетельства. По словам Страбона (V, 4, 9), Тимей (IV в. до н. э.) упоминал о древних невероятных преданиях о природе острова: καὶ Τιμαῖος δὲ περὶ τῶν Πιθηκουσῶν φησὶν ὑπὸ τῶν παλαιῶν πολλὰ παραδοξολογεῖσθαι. Как явствует из контекста Страбона, а также из непосредственного продолжения пассажа, в котором рассказывается об извержении, произошедшем на острове незадолго до Тимея, историк имел в виду богатую местную традицию о вулканическом характере местности. Страбон сообщает уже определенно о древних катаклизмах, включая и извержения, вынудившие население покинуть остров:

Πιθηκούσας δ' Ἐρετριεῖς ᾤκισαν καὶ Χαλκιδεῖς, εὐτυχήσαντες δὲ δι' εὐκαρτίαν καὶ διὰ τὰ χρυσεῖα ἐξέλιπον τὴν νῆσον κατὰ στάσιν, ὕστερον δὲ καὶ ὑπὸ σεισμῶν ἐξελαθέντες καὶ ἀναφυσημάτων πυρὸς καὶ θαλάττης καὶ θερμῶν ὑδάτων.

Это свидетельство привлекло внимание историков в связи с археологическими исследованиями на острове. На Питекуссы уже во второй четверти VIII в. до н. э. была выведена колония (первая на греческом западе), расцвет которой в VIII в., как показывают данные археологии, сменился постепенным угасанием после 700 г. и упадком на рубеже VII и VI в.²⁰ По мнению Колдстрима, он мог быть вызван землетрясениями и вулканическими извержениями, о которых упоминает Страбон. Раскопки, проводившиеся на острове, выявили в трех местах вне основного поселения слои с керамикой VIII в., засыпанные толстым слоем вулканического пепла. Поселение возобновляется на том же месте во второй половине VII в. и затем вновь оказывается погребенным под толщей продуктов извержения Монте Эпомео.²¹ Извержение произошло здесь и во времена Гиерона (Str. V, 4, 9, см. ниже). Таким образом, за несколько веков присутствия греков на Питекуссах здесь вполне могло сложиться предание, отражающее природные особенности местности. Поэтому версия Ферекида о Тифоне под Питекуссами, вероятнее всего, имела источник в местной традиции.

Возможна ли подобная связь между мифом и природной действительностью в случае Этны, или, иными словами, знали ли сицилийцы о том, что Этна – вулкан, до извержения 479 г.? Тимей рассказывал о

рекида Лерского (s. v. Φερεκῦδης Λέριος ἱστορικός· γεγονὸς πρὸ ὀλίγου τῆς οὐ' ὀλυμπιάδος), т. е. до 480/77 г., если γεγονός понимать как floruit.

²⁰ J. N. Coldstream. Prospects and Pioneers: Pithekoussai, Kyme and Central Italy // *The Archeology of Greek Colonisation*, ed. by G. R. Tsetskhladze and F. de Angelis (Oxford 1994) 54.

²¹ *Ibid.*, 50 n. 7.

неком древнем извержении Этны, такой силы и длительности, что оно вынудило местное население, сиканов, покинуть остров.²² Это свидетельство тем ценнее, что исходит от историка, бывшего уроженцем Сицилии и написавшего сочинение по истории острова. Сведения об этом извержении были получены, по всей видимости, греческими колонистами от местного населения, и, следовательно, память о нем сохранялась с незапамятных времен.²³ Фукидиду (III, 116) было известно о трех извержениях Этны: одно из них произошло в его время (425 г.), другое – за пятьдесят лет до него (интересующее нас извержение 479 г., см. прим. 1); наконец, о третьем, предшествующем первым двум по времени, историк сообщает лишь то, что произошло оно после заселения Сицилии греками. Таким образом, *terminus post quem* для самого раннего из упоминаемых Фукидидом извержений – начало греческой колонизации острова (740 г., основание Сиракуз). Неопределенность хронологии этого извержения не является основанием для того, чтобы сбрасывать его со счетов. Так, вулканологи полагают, что одно из извержений Этны имело место в 695 или 693 г. до н. э.²⁴ Суммируя эти сведения, мы приходим к выводу, что в Сицилии существовала память о древних извержениях Этны, очевидно, достаточно мощных. В исторической памяти остаются, как правило, особенно впечатляющие современников события.

Это не означает, однако, что с 695 по 476–475 гг. жители Сицилии не имели подтверждений вулканической природы Этны. Этна является постоянно действующим вулканом, причем очень активным. В промежутках между серьезными извержениями ее вулканическая деятельность выражается в постоянных выбросах небольшого количества лавы и пепла, и даже во времена наибольшего затишья над ней наблюдается дым, напоминающий о том, что это вулкан. Этот геофизический факт подтверждается свидетельствами древних авторов,²⁵ в частности Страбона, который описывает обычное, спокойное состояние Этны (VI, 2, 8):

²² *FrGrH* 3 b, 566 F 164. 103: καὶ τὸ μὲν πρῶτον ἄπασαν τὴν νῆσον κατῴκουν (οἱ Σικανοί), καὶ τὴν χώραν ἐργαζόμενοι τὰς τροφὰς εἶχον ὕστερον δὲ τῆς Αἴτνης ἐν πλείοισι τόποις ἀναφυσήματα πυρὸς ἀνείσης, καὶ πολλοῦ κατὰ τὴν χώραν ῥύακος ἐκχυθέντος, συνέβη φθαρῆναι τῆς γῆς ἐπὶ πολλὸν τόπον. ἐπ' ἑτῆ δὲ πλείω τοῦ πυρὸς ἐπινεμομένου πολλὴν χώραν, φοβηθέντες τὰ μὲν πρὸς ἔω κεκλιμένα τῆς Σικελίας ἐξέλιπον, εἰς δὲ τὰ πρὸς δυσμὰς νεύοντα μετόκησαν.

²³ Вулканологи связывают этот рассказ с мощнейшим извержением Этны около 1500 г. до н. э.

²⁴ http://boris.vulcanoetna.it/ETNA_elencold.html

²⁵ [Arist.] *Mir.* 840 b; [Arist.] *De mundo* 395 b 18.

ὑπέρκειται δ' ἡ Αἴτνη μάλλον μὲν τῆς κατὰ τὸν πορθμὸν καὶ τὴν Καταναίαν παραλίας, ἀλλὰ καὶ τῆς κατὰ τὸ Τυρρηρικὸν πέλαγος καὶ τὰς Λιπαραίων νήσους, νύκτωρ μὲν οὖν καὶ φέγγη φαίνεται λαμπρὰ ἐκ τῆς κορυφῆς, μεθ' ἡμέραν δὲ καπνῷ καὶ ἀχλύϊ κατέχεται.²⁶

Как видно из предшествующей части описания Этны (Strab., *ibid.*), ко времени Страбона грекам было хорошо известно о том, что Этна располагает не одним, а множеством кратеров:

ἔοικε δὲ λαμβάνειν μεταβολὰς πολλὰς τὰ ἄκρα τοῦ ὄρους (Αἴτνης) διὰ τὴν νομὴν τοῦ πυρός, τότε μὲν εἰς ἓνα κρατῆρα συμφερομένου τότε δὲ σχιζομένου, καὶ τότε μὲν ῥύακας ἀναπέμποντος τότε δὲ φλόγας καὶ λιγνῶς, ἄλλοτε δὲ καὶ μύδρους ἀναφυσῶντος.

В V в. до н. э. ситуация, конечно, не могла быть существенно иной. В настоящее время на склонах Этны имеется более 200 побочных конусов и кратеров.²⁷ Наконец, существует и мифологическое подтверждение постоянной, зримой огненной деятельности Этны. Так, Псевдо-Аполлодор (I, 6, 3), завершая описание тифономахии, говорит не об извержении, как Пиндар и автор *PV*, а о том, что из Этны до сих пор вырываются языки пламени (перманентное состояние), объясняя это количеством перунов, которыми Зевс забросал Тифона. Об этом же свидетельствует и имеющая корни в местном субстрате сицилийская мифология, связанная с Этной (см. далее с. 23 сл.), которая, конечно не могла сложиться в одночасье после извержения 479 г.

Хотя в конце VI – начале V в. пробуждается научный интерес к вулканическим явлениям (Xenoph. 21 A 48; Emp. 31 A 69; Anax. 59 A 89 DK), до Фукидида все сообщения об извержении Этны еще принадлежат мифо-поэтической традиции, а информация о древних извержениях у позднейших авторов (Тимей, Страбон) основывается, вероятно, на устных преданиях. Суммарно картина, возникающая из свидетельств о древних извержениях Этны, а также сведений о характеристиках вулкана и его поведении в периоды спокойствия, позволяет считать, что Этна и до извержения 479/476 г. была известна местному населению как вулкан. Поэтому бытование здесь мифа о Тифоне и, может быть, даже возникновение здесь или на Питекуссах его этиоло-

²⁶ См. также *Schol. PV* 358 a: λέγουσι γὰρ ὅτι ἐν Αἴτνῃ ἡμέρας μὲν ἀναθρώσκει καπνός, νυκτὸς δὲ φλόξ; *Schol. Pind. Pyth.* 1. 51: Ἰστέον ὅτι ἐν τῇ Αἴτνῃ ἡμέρας μὲν φωτὸς δίχα καπνὸς καυστικὸς ἀναδίδεται, νυκτὸς δὲ πέτραι ἀποσφαιρίζονται ἔξω κεκαυμένοι καὶ ζέουσαι καὶ κτύπον τῇ φορᾷ ἐνποιοῦσαι.

²⁷ A. Scarth, J.-C. Tanguy. *Volcanos of Europe* (Oxford 2001) 51.

гической части, связавшей Тифона с вулканической деятельностью,²⁸ вполне естественно.

Однако существование предания отнюдь не тождественно существованию эпоса, на чем строил свою гипотезу фон Месс. Свидетельство Ферекида, которое является одним из ее оснований, содержится в его *Теогонии*, написанной в прозе, и наличие у него здесь эпического источника крайне гипотетично. Думается, что мы вправе говорить о существовании этиологического предания о Тифоне под Питекуссами (возможно, устного), которым воспользовался как Пиндар, так и Ферекид, не прибегая при этом к гипотезе фон Месса о псевдогесиодовском эпосе.

Остальные наблюдения фон Месса могут быть отнесены на счет разнообразной, достаточно обширной и хорошо засвидетельствованной традиции о Тифоне, которая существовала помимо Гесиода. Так, по сообщению Филодема, о нападении Тифона на Зевса рассказывали, помимо Эсхила в *PV*, также Акусилей, Эпименид и многие другие (*FGrHist* 2 F 12). Эпименид, в частности, считался автором эпической *Теогонии* в пять тысяч стихов (*FGrHist* 457 T 1), откуда, вероятно, и происходит рассказ о Тифоне, передаваемый Филодемом (68 В 8 Diels). В *Теогонии* Ферекида повествование о Тифоне вряд ли ограничивалось сохранившимся эпизодом. Весьма разработанный миф о Тифоне, изобилующий деталями, которых нет в *Теогонии* Гесиода, содержится в *Библиотеке* Псевдо-Аполлодора (I, 6, 3). На то, что он восходит к архаическим источникам, указывает, в частности, использованная уже Пиндаром (fr. 91 = Porph. *De abst.* III, 16) деталь: боги бежали от Тифона в звериных обличьях. Сходным образом дело должно было обстоять и с рождением Тифона в киликийской пещере, за упоминанием которой стоит какой-то неизвестный нам сюжет о рождении Тифона.²⁹

В этой связи не теряет актуальности предположение фон Месса о том, что схолиаст *PV* действительно цитирует Гесиода.³⁰ Проблему просодии Κίλικιον, требующего в гексаметре метрического удлине-

²⁸ Активные вулканы Липарских островов, по имеющимся свидетельствам, с Тифоном не связывались, видимо из-за небольших размеров самих островов. Это была вотчина Гефеста. О других действующих вулканах в историческое время нам ничего не известно.

²⁹ Согласно версии, излагаемой Евстафием, Тифон родился из двух яиц, полученных Герой от Кроноса и помещенных ею под землю в Киликии: ἔθετο αὐτὰ (δὲο φά) ὑπὸ τὸ Ἄριον τῆς Κιλικίας. Возможно, место низвержения Тифона в *Илиаде* (II, II, 783: εἰν Ἄριον, ὅθι φασὶ Τυφώος ἔμμεναι εὐνάς) в процессе развития мифа было переосмыслено как место его рождения.

³⁰ См. прим. 13.

ния краткого в первом слоге,³¹ можно решить, приняв изменения, предложенные Херингтоном: τὸν ποτε <δῆ> Κιλίκων θρέψαι πολυ-
ώνυμον ἄντρον / <φασί>.³² Меркельбах и Уэст допускают, что схолий сохранился не полностью, и предполагают, что цитата из Гесиода (*Th.* 859–861), а также имя Пиндара были утрачены, что привело к соединению имени Гесиода с цитатой из Пиндара.³³ На это следует возразить, что схолиаст совершенно очевидно комментирует киликийское происхождение Тифона (*PV* 367), и приводит цитату из Гесиода, ничего не сообщаящую на эту тему, было бы бессмысленно. На наш взгляд, возможно другое решение, основанное на лакунарности текста схолия: гекзаметр, как его восстанавливает Херингтон, был процитирован схолиастом как стих Гесиода, а за ним следовала цитата из Пиндара; на каком-то этапе, ввиду их почти полного сходства, один стих был пропущен или изъят, а поскольку и стих Пиндара при уже не ощущавшемся изменении долготы одного слога воспринимается как гекзаметр, кто-то предпочел связать его с Гесиодом. Это объясняло бы появление в части рукописей необъяснимого для Пиндара θρέψαι.³⁴ Таким образом, можно допустить, что Пиндар почти полностью воспроизвел в своей оде стих из какого-то приписывавшегося Гесиоду эпического текста.

Итак, существование достаточно разработанной традиции о Тифоне, связывавшей с ним, в частности, извержения вулканов, которой могли воспользоваться как Пиндар, так и автор *PV*, едва ли может быть оспорено. С другой стороны, отказ от гипотезы общего источника для двух наших текстов с особой остротой ставит вопрос об их отношении друг к другу: мы теперь должны объяснить, почему, имея в своем распоряжении разнообразную традицию, оба поэта произвели из нее практически одинаковый отбор материала.

Анализируя таблицу вербальных повторов (с. 5), нетрудно заметить, что ее материал естественно распадается на две группы. К первой относятся детали мифологической характеристики Тифона (уроженец Киликийских пещер, стоглавый, враждебный всем

³¹ Во всех случаях употребления вариантов слова в гекзаметрических текстах оно засвидетельствовано с первым кратким гласным.

³² C. J. Herington (ed.). *The Older Scholia on the Prometheus Bound* (Mnemosyne, Suppl. 19, Leiden 1972) 351 d. Это восстановление опирается на гекзаметр *Or. Syb.* 11, 210: καὶ τότε δῆ Κιλίκων καὶ Ἀσσυρίων μέσον ἔξει, первая половина которого метрически полностью соответствует восстановлению Херингтона.

³³ *Fragmenta Hesiodica*, ed. R. Merkelbach, M. L. West (Oxford 1967) Fr. 388.

³⁴ Herington, *ibid.* Исследователи, считающие, что схолиаст *PV* ошибочно приписывает Гесиоду стих Пиндара (в силу его близости к гекзаметру), как правило, не останавливаются на этой форме, см., например, Focke (прим. 8) 291 Anm. 2.

богам). Во вторую входят вербальные переключки в описании извержения, которые, в сущности, сводятся к уподоблению лавы огненным потокам обоими поэтами. Однако достаточно беглого прочтения, чтобы понять, что, используя несколько общих ключевых слов, Пиндар и автор *PV* создают совершенно разные тексты, описывающие извержение. На это указывает, в частности, то, что ряд слов, приведенных в таблице, употребляются авторами в разных значениях, и они, следовательно, не могут быть отнесены к числу вербальных повторов:

1) слово *τέρας* в *PV* 352 употребляется в значении “чудовище” (ср. *Hes. Th.* 845, 856 *τοῖο / δεινοῖο πελώρου* о Тифоне), тогда как Пиндар употребляет его в значении “чудо, диво” (о потоках лавы);

2) слово *κορυφαῖς* в *PV* тесно связано с работой Гефеста, тогда как у Пиндара этой связи нет (Тифон растянут между вершинами и основанием Этны); кроме того, слово обычно при описании горы, так что появление его у разных авторов без специфических сходных деталей неправомерно считать признаком заимствования;

3) Гефест появляется в *PV* собственной персоной, как бог огня, кующий на вершине Этны, в то время как у Пиндара имя Гефеста является практически синонимом огня;³⁵

4) эпитет Сицилии *καλλίκαρπος* (прекрасноплодная) наделяется в *PV* особым смыслом в противопоставлении рекам огня, которые уничтожат ее пашни, тогда как сходный эпитет у Пиндара выведен за рамки описания извержения и имеет вполне орнаментальный характер (гора, лоб плодородной земли).³⁶

Единственным заслуживающим внимания повторяющимся словом является, на наш взгляд, *v̄n*, которое обеспечивает переход от мифологического прошлого к настоящему извержения.

Эти предварительные наблюдения подтверждают в первом приближении вывод о стилистической независимости двух произведений и заставляют внимательнее присмотреться к их композиционной структуре.

1) *Pyth.* 1, 15–28.

Образ Тифона у Пиндара появляется в качестве примера одного из тех, кого невзлюбил Зевс и кто приходит в ужас при звуках голоса Пиерид:

ἄσσα δὲ μὴ πεφίληκε Ζεὺς, ἀτύζονται βῶαν
Πιερίδων ἄϊοντα, γὰρ τε καὶ πόντον κατ' ἀμαμάκετον,

³⁵ Bowra (прим. 3) 377.

³⁶ См. другие употребления эпитета *εὐκαρπος* у Пиндара: *Nem.* 1, 14 (о Сицилии); *Paе.* 2, 26 (о Фракии); fr. 215 (b), 12 S.–M.

- 15 ὅς τ' ἐν αἰνῶ Ταρτάρῳ κεῖται, θεῶν πολέμιος,
 Τυφῶς ἑκατοντακάρανος· τὸν ποτε
 Κυλίκιον θρέψεν πολυώνυμον ἄντρον· νῦν γε μὰν
 ταῖ τ' ὑπὲρ Κύμας ἀλιερκέες ὄχθαι
 Σικελία τ' αὐτοῦ πιέζει στέρνα λαχνάεντα· κίων
 δ' οὐρανία συνέχει,
 20 νιφόεσσ' Αἴτνα, πάνετεσ χιόνος ὀξείας τιθήνα.

Этим композиционным приемом предreshается отсутствие изложения самой битвы Зевса с Тифоном: последний рассматривается как заведомо проигравшая сторона. Вместо тифономахии мы имеем здесь мифологическое досье Тифона, серию характеристик, достаточных для того, чтобы вызвать в сознании слушателей эпическую историю о победе Зевса над Тифоном. Сведения о прошлом Тифона, ограничивающиеся необходимыми опорными ссылками, служат лишь рамкой, преамбулой для описания его нынешнего состояния (νῦν). Отметим сразу слабость противопоставления νῦν и ποτε, где последнее связано лишь с фактом рождения Тифона в киликийской пещере. Главным объектом интереса Пиндара является участь Тифона, место его подземного заключения, которое, несмотря на отсылку к эпической традиции (15: ἐν αἰνῶ Ταρτάρῳ κεῖται), приобретает две конкретных географических локализации (18–20: ταῖ τ' ὑπὲρ Κύμας ... ὄχθαι Σικελία τ'; νιφόεσσ' Αἴτνα).

Упоминание Питекусс (ταῖ τ' ὑπὲρ Κύμας ... ὄχθαι), избыточное с точки зрения описания извержения Этны, находит вполне приемлемое объяснение, если следовать логике создания мифологической рамки: эта деталь, очевидно, уже фигурировала в повествованиях о Тифоне (свидетельство Ферекида). К тому же она была актуальной в момент создания оды Пиндара: основанием для упоминания Питекусс могло быть недавнее извержение вулкана на этом острове. Из рассказа Страбона (V, 4, 9) известно о вулканических явлениях, из-за которых его покинули колонисты Гиерона. Колония на Питекуссы могла быть выведена после 474 г. (год победы Гиерона над этрусками, упрочившей положение греческих колоний в средней Италии) и до 467 г. (год смерти Гиерона). Однако упоминание Тифона под Питекуссами у Пиндара, пожалуй, говорит за то, что извержение там произошло до 470 г. Таким образом, Пиндар в данном случае, вероятно, не просто демонстрирует ученость, но и кстати упоминает об актуальном для Сицилии событии.

Упоминание Этны, второй (нынешней) локализации Тифона (18–20), служит мостом к грандиозному описанию извержения, которое занимает большую часть следующей строфы и, несомненно, является центральной частью всего рассказа о Тифоне.

- 21 τὰς ἐρεῦγονται μὲν ἀπλάτου πυρὸς ἀγνόταται
 ἐκ μυχῶν παγαί· ποταμοὶ δ' ἀμέραισιν
 μὲν προχέοντι ῥόον καπνοῦ
 αἴθων· ἀλλ' ἐν ὄρφναισιν πέτρας
 φοίνισσα κυλινδομένα φλόξ ἐς βαθεῖ-
 αν φέρει πόντου πλάκα σὺν πατάγῳ.
- 25 κείνο δ' Ἀφαίστοιο κρουνοὺς ἐρπετὸν
 δεινοτάτους ἀναπέμπει· τέρας μὲν
 θαυμάσιον προσιδέσθαι,
 θαῦμα δὲ καὶ παρεόντων ἀκοῦσαι,
 οἷον Αἴτνας ἐν μελαμφύλλοις δέδεταί κορυφαῖς
 καὶ πέδῳ, στρωμνὰ δὲ χαράσσοισ' ἅπαν νῶ-
 τον ποτικεκλιμένον κεντεῖ.

Детальная, очень звучная и яркая картина извержения (21–24)³⁷ кратко подытоживается его этиологией (25–26): устрашающие потоки Гефеста посылает наверх то самое пресмыкающееся, Тифон, о котором говорилось выше. Здесь нужно отметить, что поэт прямо не поясняет, каким образом Тифон извергает огненные потоки. Также без ответа остается и вопрос, почему он это делает. Между тем, для этиологического мифа эти вопросы существенны. Связь Тифона с извержением вулкана является новой деталью мифа по сравнению с рассказом, изложенным в *Теогонии*, согласно которому низвержение Тифона породило совсем другое физическое явление – шквальные ветры, называемые тифонами. Соответственно с этим претерпели изменения и некоторые черты Тифона как мифологического персонажа. Хотя в апофеозе тифономахии у Гесиода и возникает картина, чем-то напоминающая происходящее при извержении вулкана (там, где Тифона настиг перун Зевса, земля горела и плавилась, подобно тому как плавится олово в тиглях или железо, укрощенное Гефестом, *Th.* 859–866), горение и состояние земли, весьма похожее на растекание лавы, по Гесиоду, были порождены не Тифоном, а настигшим его перуном Зевса.³⁸ Лишь после этого Тифон был брошен в Тартар. Между тем у Пиндара сказано (ст. 25–26), что потоки огня посылает наверх сам Тифон. Сходным образом (и с дополнительной мотивацией гнева укрощенного, но не примиренного чудовища) предстает извержение Этны в *PV* (370 sqq.). При этом ни в том, ни в другом тексте не сказано ясно, каким образом Тифон извергает пламя: *Puth.*

³⁷ Bowra (прим. 3) 376 ff.

³⁸ Огонь у Гесиода связан только с глазами чудовища, 826 sq.: ἐν δὲ οἱ ὄσσε / θεσπεσίης κεφαλῆσιν ὑπ' ὀφρύσι πῦρ ἀμάρυσσεν.

1, 25 sq. κείνο δ' Ἀφραίστοιο κρουνοὺς ἐρπετὸν / δεινοτάτους ἀναπέμπει;
PV 370 sq. τοιόνδε Τυφὼς ἐξαναζέσει χόλον / θερμοῖς ἀπλάτου βέλεσι
 πυρπνοῦ ζάλης.

Образ огнедышащего чудовища, тем не менее, возникает в обоих текстах. То, что он подразумевался обоими авторами, на наш взгляд, подтверждает изображение Тифона на щите в эсхиловской трагедии *Семеро против Фив*: Τυφῶν' ἰέντα πύρπνοον διὰ στόμα / λιγνὸν μέλαιναν, αἰόλην πυρὸς κάσιν (493–494); ...ὁ μὲν γὰρ πύρπνοον Τυφῶν' ἔχει (511). Дважды употребляемое здесь πύρπνοον, в обоих случаях как эпитет Тифона, сопоставимо с πυρπνοῦ в *PV* 371, которое можно попытаться осмыслить как эпитет Тифона через ὑπαλλαγή. Дело в том, что πύρπνοος является достаточно редким эпитетом и почти всегда употребляется в прямом смысле применительно к огнедышащим чудовищам, быкам (*Eur. Med.* 478), льву (*Eur. El.* 472), химере (*Anaxil.* 22, 3). В *PV* слово встречается дважды. Кроме рассматриваемого случая, оно появляется в ст. 917: πιστὸς τινάσσω τ' ἐν χεροῖν πύρπνοον βέλος (применительно к перуну Зевса). В сочетании с βέλος эпитет πύρπνοον приобретает метафорический смысл: дышащий огнем, т. е. порождающий огонь. Красноречивую параллель для такого употребления находим в *PV* 358–359, где перун Зевса охарактеризован выражением ἐκπνέων φλόγα, которое является перифразой πύρπνοος. Оба имеют пролептический смысл: перун порождает огонь там, где настаивает свою цель. В ст. 371 интерпретация затрудняется сложным построением метафоры: Тифон освобождает кипящий в нем гнев, который изливается из него горячими ударами неприступного огнедышащего шторма. Иными словами, огнедышащий шторм вырывается непосредственно из “недр” Тифона. Таким образом, мы можем мыслить всю картину извержения как огненное дыхание чудовища, и тогда характеристика Тифона как огнедышащего возникает сама собой. Именно такую картину рисует Страбон (V, 4, 9), рассказав о стихийных бедствиях (вулканического характера), не раз вынуждавших население Питекусс покинуть остров: ἐντεῦθεν καὶ ὁ μῦθος ὅτι φασὶ τὸν Τυφῶνα ὑποκεῖσθαι τῇ νήσῳ ταύτῃ, στρεφομένου δὲ τὰς φλόγας ἀναφυσᾶσθαι καὶ τὰ ὕδατα. Конкретным и точным языком прозы он сообщает нам ту же информацию, что и пышный, иносказательный поэтический текст Пиндара. Конкретному ὑποκεῖσθαι соответствует у Пиндара πιέζει (*Σικελία*, 19), συνέχει (*Αἴτνα*, 19–20), δέδεται (*κορυφαῖς καὶ πέδω*, 27). Важная деталь рассказа Страбона заключена в слове στρεφομένου: логика мифологического описания извержения требовала представления Тифона лежащим на спине, – только так он мог выдыхать пламя. Такая же деталь есть и в тексте

Пиндара: στρωμνὰ δὲ χαράσσοισ' ἄπαν νῶτον ποτικεκλιμένον κεντεῖ (28). Но особое внимание обращает на себя глагол ἀναφυσᾶσθαι. Этот глагол, как и производное от него существительное ἀναφύσημα, употребляется как термин применительно к извержению вулканов уже у Платона (*Phaed.* 113 b 5). Его этимологическая связь с дуновением/дыханием очевидна, и текст Страбона словно фиксирует механизм перехода слова, употребленного в собственном смысле, в термин, описывающий извержение вулкана. Процесс этот, однако, произошел гораздо раньше, еще до Платона, и можно предположить, что его исходной точкой мог послужить миф об огнедышащем Тифоне, заключенном под землей.

Возвращаясь к тексту Пиндара, мы приходим к выводу, что отсутствие отчетливого образа огнедышащего чудовища предполагает, что недостающие детали были слушателям хорошо известны. Но самый важный аргумент в пользу того, что Пиндар воспользовался уже существующим преданием, предоставляет сам текст. Нужно обратить особое внимание на восклицательную парентезу в ст. 26: τέρας ... θαυμάσιον προσιδέσθαι, – и наиболее существенную для нас ее часть: θαῦμα ... παρεόντων ἄκοῦσαι. Слова τέρας и θαῦμα соотносятся с подлежащим предложения, заключенного в ст. 25–28, ἐρλετόν, имеющего коррелят в относительно-восклицательном местоимении οἶον (27). Дивом является то самое пресмыкающееся, что посылает потоки огня, т. е. перед нами не просто извержение вулкана, а его персонификация. И, как если бы этого было мало, объект удивления тех, кто видел сам, и тех, кто только слышал об этом от очевидцев, дополнительно конкретизируется в придаточном предложении, вводимым οἶον: какое (пресмыкающееся) сдавлено между вершинами Этны и ее основанием. Иными словами, очевидцы рассказывали об извержении вулкана не натуралистическим языком, а языком этиологического мифа, и это само по себе достаточно свидетельствует о том, что Пиндар лишь придал бывшим в ходу рассказам литературную форму.

2) PV 351–372

Обратимся теперь к тексту PV. Выше мы попытались показать, что в центре внимания Пиндара находится само извержение, которому посвящается почти целая строфа, изобилующая живописными деталями, а миф о Тифоне представлен не в виде связного рассказа, а как мифологическая преамбула, содержащая основные элементы мифа, почерпнутые предположительно как у Гесиода, так и в более поздней традиции.

Тифоновский фрагмент PV вводится обращенным к Океану предупреждением Прометея о том, что он может стать жертвой Зевса за свое

сочувствие Прометею (345–346: ἐγὼ γὰρ οὐκ, εἰ δυστυχῶ, τοῦδ' οὐνεκα / θέλοισ' ἄν ὡς πλείστοισι πημονὰς τυχεῖν). В его преембле, ст. 347–354, Прометей приводит два примера, иллюстрирующие жестокость, с какой Зевс наказывает своих противников:

οὐ δῆτ', ἐπεὶ με καὶ κασιγνήτου τύχαι
 τείρουσ' Ἄτλαντος, ὃς πρὸς ἐσπέρους τόπους
 ἔστηκε κίον' οὐρανοῦ τε καὶ χθονὸς
 350 ὅμοιν ἐρείδων, ἄχθος οὐκ εὐάγκαλον.
 τὸν γηγενῆ τε Κιλικίων οἰκήτορα
 ἄντρων ἰδὼν ῥκτιρα, δάιον τέρας,
 ἑκατογκάρανον πρὸς βίαν χειρούμενον,
 Τυφῶνα θούρον †πᾶσιν ὃς† ἀντέστη θεοῖς...

Обратим внимание на композиционный параллелизм этого вступления с текстом *Pyth.* 1, 13 sqq.: Пиндар и автор *PV* иллюстрируют власть Зевса с двух противоположных позиций; примеры (в *PV* их два) вводятся в обоих случаях относительным местоимением ὃς. Кроме того, в ст. 351–354 весьма сходно с *Pyth.* 1, 15–17, путем перечисления, дается мифологическая характеристика Тифона. Отметим эти моменты для дальнейших сопоставлений.

Общность судеб Атланта и Тифона помимо прочего вскрывает одно не слишком бросающееся в глаза обстоятельство. Каким образом Прометей увидел Тифона (ἰδὼν... τέρας), гибельное чудовище, уже усмиренное при помощи силы?³⁹ Очевидно, имеется в виду гора Этна. Усмирение Тифона и есть в итоге его заключение под Этну, как будет ясно из ст. 363–365 (см. ниже). Атлант, в свою очередь, вероятно, ассоциируется с горой Атлас, о чем свидетельствует упоминание колонны, разделяющей небо и землю.⁴⁰ Таким образом, судьба двух противников Зевса связывается с двумя высочайшими горами запада. Стоит обратить внимание на то, что эти две горы были связаны уже в эпической поэзии VI в., если верно восстановление во fr. Hes. 150, 25–26 M.–W. (Ἄτλαντός τ' ὄρος] αἰπὸ κ[αὶ Αἴτν]ην παλαλόμεσσα). Выражение κίων οὐρανοῦ (*PV* 349) было справедливо сопоставлено Ардиццини с κίων οὐρανία у Пиндара (*Pyth.* 1, 19, об Этне).⁴¹ По свидетельству Геродота, местные жители называли гору

³⁹ Возможно Аристофан комически обыграл это место в *Ocah*, 1036: τοιοῦτον ἰδὼν τέρας οὐ φησὶν δεῖσας καταδωροδοκῆσαι, ο Κλεоне под видом гибридного чудовища с элементами Тифона, ср. Ag. *Eq.* 511 и комм. Aristophanes. *Knights*, ed. A. Sommerstein (Warminster 1981) 511.

⁴⁰ M. Griffith (ed.). *Prometheus Bound* (Cambridge 1983) 347–350 n.

⁴¹ Ardizzoni (прим. 7) 235.

Атлас “колонной неба”,⁴² именно так, как в тексте *PV*, причем основанием для этого, согласно Геродоту, была не только ее высота, но и внешнее сходство с колонной. Это дополнительно подтверждает, что в тексте *PV* выражение κίων οὐρανοῦ не является поэтической метафорой, как у Пиндара, а связано с мифом об Атланте и с горой Атлас. В связи с этим предположение Ардиццини о том, что выражение “небесная колонна”, как Пиндар называет Этну, могло быть подсказано текстом *PV*, выглядит вполне правдоподобно.

В этом хорошо сбалансированном формально отрывке (на Атланта и на Тифона приходится примерно по четыре стиха) задача иллюстрировать жестокость Зевса может считаться выполненной. Но особенности горы, под которой заключен Тифон, таят в себе возможности дальнейшей драматической интерпретации. Поэтому краткая характеристика Тифона и его участи в преамбуле разрастается в последовательное изложение тифономахии, за которым следует описание гнева поверженного Тифона.

Используя историю Тифона, поэт решает двойную задачу: (1) показать силу верховного бога в его поединке с Тифоном, (2) показать нестабильность миропорядка, основанного на силе. Последовательному решению этих двух задач соответствует разделение остального текста фрагмента на две приблизительно равные части, 354–362 и 363–372.

Первая часть (354–362) с описанием поединка Зевса с Тифоном развивается в русле истории Гесиода (*Th.* 821–868):

†πᾶσιν ὅς† ἀντέστη θεοῖς

355 σμερδναῖσι γαμφηλαῖσι συρίζων φόβον,
 ἐξ ὀμμάτων δ’ ἤστραπτε γοργωπὸν σέλας,
 ὡς τὴν Διὸς τυραννίδ’ ἐκπέρσων βία.
 ἀλλ’ ἦλθεν αὐτῷ Ζηνὸς ἄγρυπνον βέλος,
 καταιβάτης κεραυνὸς ἐκπνέων φλόγα,

360 ὅς αὐτὸν ἐξέπληξε τῶν ὑψηγύρων
 κομπασμάτων· φρένας γὰρ εἰς αὐτὰς τυπεῖς
 ἐφεψαλώθη κάξεβροντήθη σθένος.

Во второй части (363–372) сообщается об участи пораженного Тифона. Сначала мы узнаем о том, что он лежит под Этной, 363–365:

καὶ νῦν ἀχρεῖον καὶ παράορον δέμας
 κεῖται στενωποῦ πλησίον θαλασσίου
 ἰπούμενος ρίζαισιν Αἰτναίαις ὑπο.

⁴² Hdt. IV, 184: Ἔχεται δὲ τοῦ ἀλὸς τούτου ὄρος τῷ οὐνομά ἐστι Ἄτλας· ἔστι δὲ στεινὸν καὶ κυκλοτερὲς πάντη, ὑψηλὸν δὲ οὕτω δὴ τι λέγεται ὡς τὰς

Никакие другие варианты, известные традиции (Тартар, Питекуссы), здесь неуместны, поскольку автор излагает избранный им вариант мифа последовательно, а не создавая широкий мифологический контекст, как это делает Пиндар. Переход к пассивному состоянию (*ἀχρεῖον καὶ παράορον*) заключенного под Этной Тифона после активной борьбы с Зевсом в предыдущих стихах осуществляется с помощью *καὶ νῦν*, имеющего точное соответствие в тексте Пиндара (*νῦν γὰρ μᾶν*). Отметим и это композиционное совпадение двух текстов. Достаточно очевидно, что после подробного описания событий прошлого *καὶ νῦν* здесь и уместно, и необходимо. Близкую аналогию такого употребления *νῦν* находим в *II. XXIV*, 614–617:⁴³ *νῦν δὲ που ἐν πέτρησιν, ἐν οὐρεσὶν οἰολόλοισιν, / ἐν Σιτύλῳ... λίθος περ ἐοῦσα*. В предыдущих стихах Ахилл рассказал о том, как Аполлон и Артемида расправились с детьми Ниобы, а *νῦν δὲ* вводит сообщение о ее нынешней судьбе, причем само теперешнее состояние Ниобы (превращенной в камень) и указание на ее географическое местонахождение делают это место поразительно схожим с текстом *PV*. У Пиндара коррелятом *νῦν* в прошлом является факт рождения Тифона в киликийской пещере (*τὸν ποτε Κιλίκιον θρέψεν πολυώνυμον ἄντρον*), что, конечно, менее эффективно, чем противопоставление динамичных событий в прошлом нынешнему окаменению в рассказах Прометея и Ахилла. Вполне возможно, если верно предположение о заимствовании Пиндаром ст. 16–17 из какого-то псевдогесиодовского эпического текста, что *ποτε* в нем вообще ничему не было противопоставлено. Это наводит на мысль о том, что Пиндар ориентировался на некий источник, в котором изложение тифономахии посредством *νῦν* было связано с описанием последующего заключения Тифона. Сведя тифономахию к серии опорных намеков, воссоздающих мифологическое прошлое, поэт тем не менее сохранил *νῦν* как обеспечивающее переход к этиологической части мифа. В *PV* нынешнее пассивное состояние Тифона противопоставлено не только активному прошлому, но и новому проявлению активности в будущем (см. ниже), т. е. на *νῦν* лежит еще большая смысловая нагрузка.

Примечательны расхождения с Пиндаром и в следующем стихе Тифоновского фрагмента, 366:

κορυφαῖς δ' ἐν ἄκραϊς ἤμενος μυδροκτυπεῖ
Ἴφαιστος...

κορυφὰς αὐτοῦ οὐκ οἶά τε εἶναι ἰδέσθαι... τοῦτο τὸν κίονα τοῦ οὐρανοῦ λέγουσι οἱ ἐπιχώριοι εἶναι.

⁴³ Von Mess (прим. 9) 168.

Прежде всего, Гефест здесь выступает в своем мифическом амплуа. Он кует, сидя на вершине горы, которая является вулканом. О существовании такой мифологемы мы знаем из приведенных фон Мессом гекзаметров дактилического поэта Антимаха (fr. 52 Matthews):⁴⁴

ἔπνεον Ἥφαιστου πυρὶ εἵκελον ὄρα τιτύσκει
δαίμων ἀκροτάτης ἐν ὄρεος κορυφήσι Μοσύχλου.⁴⁵

Сходное по смыслу свидетельство о Гефесте имеется и для Этны, *Ant. Lib.* 28, 4:⁴⁶ Ζεὺς δ' οὐκ ἀνίησιν, ἀλλ' ὁ μέγιστον ὄρος ἐπιβάλλει Τυφῶνι τὴν Αἴτνην καὶ αὐτῷ φύλακα τὸν Ἥφαιστον ἐπὶ τῶν ἄκρων ἐφίστησιν· ὁ δ' ἐνερείσας τοὺς ἄκμονας αὐτοῦ τῷ τραχήλῳ διάπυρον ἐργάζεται μύδρον. Кроме того, работа Гефеста, согласно этой мифологеме, не связана непосредственно с извержением, но отражает его постоянную связь с вулканом в его пассивном состоянии (в промежутках между извержениями, см. выше). На это указывает настоящее время глагола μύδροκτυπεῖ, в то время как извержение, которое подается далее как vaticinium Прометея, представлено как однократное событие в будущем (367: ἔνθεν ἐκτραγήσονταί ποτε). В тексте Пиндара, как уже было сказано, имя Гефеста практически является синонимом огня. Кроме того, Пиндар, хотя он и использует νῦν, обеспечивающее переход от прошлого к нынешнему состоянию заключения под вулканом, не противопоставляет пассивное и активное состояние Этны. Конечно, это объясняется его сосредоточенностью на грандиозной картине извержения, но формально настоящее время глагола в ст. 21 (τὰς ἐρεῦγονται) позволяет думать, что Этна извергается непрерывно. Таким образом, автор *PV* проявляет заметно больший интерес к мифологии, чем Пиндар, и демонстрирует хорошее знание особенностей Этны как вулкана.

На имени Гефеста в силу его положения в *PV* 367 (enjambement) лежит большая смысловая нагрузка: это поворотный пункт от пассивного состояния Тифона к активному. Гефест сидит на вершинах (неизменное состояние), откуда в свое время извергнутся реки огня (событие, ограниченное временными рамками), 367–369:

⁴⁴ *Ibid.*, 171.

⁴⁵ Критический аппарат и комментарий см. в издании *Antimachus of Colophon: text and commentary* by V. J. Matthews (Mnemosyne Suppl. 155, Leiden 1995) 181–183.

⁴⁶ Цитируется по изданию Antoninus Liberalis. *Les Métamorphoses*, texte établi, traduit et commenté par M. Papathomopoulos (Paris 1968).

...ἔνθεν ἐκραγήσονται ποτε
 ποταμοὶ πυρὸς δάπτοντες ἀγρίαις γνάθοις
 τῆς καλλικάρπου Σικελίας λευροῦς γύας.

В эти неполных три триметра заключена картина собственно извержения. Она сжата буквально в одну метафору (368–369), в которой противопоставлены огненная стихия и плодородие сицилийских почв. Однако за первым, очевидным уровнем понимания может быть установлен местный (сицилийский) мифологический контекст, в котором были тесно связаны между собой и играли большую роль Гефест и Деметра. Известен, в частности, фрагмент Симонида, согласно которому Этна выступила судьей в споре Гефеста и Деметры о Сицилии (fr. 200 Bergk = *Schol. Theocr.* I, 65). В самом факте спора заложены объективные претензии на первенство в нем обеих сторон. Следовательно, Гефест и Деметра представляют два основных фактора, определяющих природное состояние Сицилии, огненную стихию и плодородие почв. Между ними существует подвижный баланс, и если он смещается в пользу Гефеста, происходит то, что так образно и емко выразил автор *PV* в двух стихах: огненные реки Гефеста пожирают тучные пашни прекрасноплодной Сицилии, находящейся в ведении Деметры. В отличие от *PV* упоминание прекрасноплодной Сицилии у Пиндара, выведенное за рамки описания извержения (*Pyth.* 1, 30: ὄρος, εὐκάρπιο γαίης μέτωπον), лишено мифологических связей и вполне орнаментально.⁴⁷

Завершающие фрагмент три стиха являются, с одной стороны, пояснением к картине извержения, содержащим ряд живописных деталей (370–371):

τοιόνδε Τυφῶς ἐξαναζέσει χόλον
 θερμοῖς ἀπλάτου βέλεσι πυρπνόου ζάλης,

а с другой – подводят итог всей истории Тифона (372):

(τοιόνδε Τυφῶς ἐξαναζέσει χόλον)
 καίπερ κεραυνῶ Ζηνὸς ἠνθρακωμένος.

Но, самое важное, именно эти три стиха прямо называют Тифона (гнев Тифона) причиной извержения Этны, т. е. дают в конечном итоге его этиологию. И здесь мы вновь сталкиваемся с поразительным композиционным совпадением этого текста с рассказом Пиндара. В обоих случаях описание извержения, связанное с Тифоном имплицитно

⁴⁷ См. выше с. 11.

(указанием на то, что он лежит под Этной, вводимым $\nu\delta\nu$), завершается эксплицитным выражением причины, которое вводится качественным (*PV* 370: $\tau\omicron\iota\acute{o}\nu\delta\epsilon$) или указательным (*Pyth.* 1, 25: $\kappa\epsilon\acute{\iota}\nu\omicron$) местоимением, которое стоит в предложении на первом месте и благодаря этому особо выделяется.

Таким образом, в обоих текстах извержение Этны вызвано Тифоном. Но в *PV* поведение Тифона имеет определенную причину: гнев, который он изливает потоками огня, несмотря на то, что повержен и испепелен перуном Зевса. Едва ли можно сомневаться в том, что это объяснение является литературной находкой автора, которая позволяет ему использовать историю Тифона как иллюстрацию неустойчивости мирового порядка, основанного на силе. Это подтверждается, во-первых, наличием другой версии для объяснения огненной активности Этны ([*Apollod.*] I, 6, 3, см. с. 11), во-вторых – отсутствием всякого объяснения как у Пиндара, так и у более поздних авторов: необходимость в нем отпала, когда Тифон превратился в мифах в огнедышащее существо.

Предпринятый нами анализ текстов о Тифоне приводит нас к следующим выводам.

1) Есть все основания полагать, что ни один из поэтов не был автором этимологического мифа о Тифоне.

2) Характер повествования о Тифоне и использование авторами мифологического материала, в частности, определяются логикой построения каждого отдельного контекста. Одно и то же событие рассматривается двумя авторами с двух противоположных точек зрения, со стороны победителя и со стороны побежденных. Автор *PV* использует извержение как доказательство ненадежности новой власти, основным инструментом которой является сила. У Пиндара масштабы проявления силы Зевсова врага, заключенного под Этной, видимо, призваны иллюстрировать могущество и величие победы верховного бога. Поэтому, а также, вероятно, в силу природной восприимчивости поэта к необычным явлениям,⁴⁸ в центре внимания у него оказывается подробное и натуралистичное описание поведения Тифона, без акцента на его губительных последствиях (такое впечатление, что все эти потоки огня, с грохотом несущие в море целые скалы, не более чем природный фейерверк). Именно поэтому, несмотря на то, что отправной точкой для обоих текстов служит одно явление и в описании извержения используются общие слова, они производят столь разное впечатление. На стилистическом уровне, как это общепризнано, связь между двумя произведениями неуловима.

⁴⁸ Bowra (прим. 3) 376, 378.

3) При всех различиях оба текста обладают очень близкой композиционной структурой, которую суммарно можно выразить следующей таблицей.

<i>PV</i>	<i>Pyth.</i> 1
1. Τεῖσις καὶ ἰλλουστρουῖοντι τὸν ἄνθρωπον, εἰσάγουσιν ὅσιν	
348, 353	13
τεῖρουσι... ὄκτιρα	ὅσσα δὲ μὴ πεφίλῃκε Ζεὺς, ἀτύζονται
348, 354	15
ὅσιν πρὸς ἐσπέρουσι τὸν ἄνθρωπον...	ὅσιν τ'...
πᾶσιν ὅσιν ἀντέστη θεοῖσι	
2. Μυθολογική χαρακτηριστική τοῦ Τιφῶνα	
351–354	15–17
τὸν... Κιλικίων οἰκῆτορα	ἐν αἰνῶ Ταρτάρῳ κεῖται θεῶν πολέμιος,
ἄντρων... δάιον τέρας	Τυφῶς ἑκατοντακάρανος· τὸν...
ἑκατογκάρανον πρὸς βίαν	Κιλικίον θρέψεν... ἄντρον
χειρούμενον,	
Τυφῶνα... ἀντέστη θεοῖσι	
3. Τιφονομαχία	
354–362	[----]
4. Περὸς τὴν ἐτιολογικήν μερὸς	
363 (363–365)	17 (17–20)
καὶ νῦν ...	νῦν γε μᾶν
κεῖται...	ταῖ ὑπὲρ Κύμασι... ὄχθαι,
ἰπούμενος ῥίζαισιν	Σικελία... πιέζει...
Αἰτναίαισι ὑπο	συνέχει... Αἴτνα
4a. Ἐθνα στὴν παθητικῇ κατάστασιν	
366–367	[----]
κορυφαῖσι... ἤμενος μυδροκτυπεῖ	
Ἴφαιστος	
5. Ἰσχυρὸς	
367 (367–369)	21 (21–24)
ἔθεν ἐκραγήσονται ποτε	τᾶς ἐρεύγονται
6. Ἐτιολογική ἀποκλείουσα	
370 (370–372)	25 (25–28)
τοιόνδε Τυφῶς ἐξαναζέσει	κεῖνο δ' Ἀφαιστίο κρουνοῦς
χόλον	ἐρπετὸν... ἀναπέμπει
	(οἶον... δέδετα)

Как видно из таблицы, структура текстов совпадает буквально в каждом пункте композиции. Выше было сказано о значении *νῦν*, вводящего этиологическую часть. В *PV* оно создает переход от тифономахии к этиологической части, отсутствие же соответствующего коррелята у Пиндара (16) свидетельствует о том, что он опустил аналогичное описание прошлых событий, имевшееся в его источнике. Любопытно также, что детали мифологической характеристики Тифона у

Пиндара перечислены в обратном порядке по сравнению с последовательностью в *PV*, которая соответствует сюжету мифа (*Pyth.* 1. 15–17: находящийся в Тартаре, враг богов, стоглавый, возвращенный в киликийской пещере / *PV* 351–354: обитатель киликийской пещеры, стоглавый, противник всех богов, далее следует описание тифономахии). Создается впечатление, что Пиндар начинает с конца событий, заменяя не нужное ему описание тифономахии ее результатом, низвержением в Тартар, которое отсылает к Гесиоду.

Каков же был источник Пиндара? Исходя из того, что было сказано о роли $\nu\delta\nu$, можно было бы думать, что Пиндар, равно как и автор *PV*, воспользовались общим источником, например эпической поэмой о Тифоне, в которой рассказ о битве Зевса с Тифоном сопровождался этимологическим мифом, вводимым $\nu\delta\nu$. Но это не объясняло бы совпадение остальных элементов структуры двух произведений. Поэтому наиболее естественным выходом представляется считать источником Пиндара *PV*. С этим выводом согласуется и наблюдение Ардиццони относительно выражения $\kappa\acute{\iota}\omega\nu\ \omicron\upsilon\rho\alpha\nu\acute{\iota}\alpha$ у Пиндара (см. с. 19 сл.).⁴⁹

Пиндар использовал Тифоновский фрагмент *PV* как некий костяк, на который он нарастил совершенно другую плоть. Как мы видели, преамбулы обоих произведений содержат основные посылки всего дальнейшего изложения, которые выражают две противоположные позиции: прочность (неоспоримость) и непрочность (спорность) миропорядка, обеспеченного победой Зевса. Можно предположить, что Пиндар вложил в свою преамбулу определенный запал полемики с *PV*, который угадывается в его категоричном $\omicron\sigma\sigma\alpha\ \delta\grave{\epsilon}\ \mu\grave{\eta}\ \pi\epsilon\phi\acute{\iota}\lambda\eta\kappa\epsilon\ \text{Ζεϋς}$, вводящем рассказ о Тифоне, и создал, таким образом, версию об абсолютной и ничем не омраченной победе Зевса, что вполне соответствовало контексту оды в честь Гиерона.

Если Пиндар создавал свою версию о Тифоне под влиянием Тифоновского фрагмента *PV*, то постановка этой драмы, очевидно, должна была состояться до 470 г. Этот вывод находится в противоречии с господствующими представлениями о времени создания драмы, но вполне согласуется с высказывавшимися соображениями о влиянии *PV* на дебютное произведение Софокла, драму *Триптолем* (468 г.).⁵⁰

⁴⁹ Другие соображения Ардиццони, на основании которых исследователь приходит к выводу о зависимости *Pyth.* 1 от Тифоновского фрагмента *PV*, по нашему мнению, не имеют необходимой доказательной силы в решении вопроса о взаимовлиянии.

⁵⁰ С. М. Bowra. Sophocles on His Own Development // *AJPh* 61 (1940) 392 f.; G. Zuntz. Aeschylus Prometheus // *HSCP* 95 (1993) 107–111.

Аргументы в пользу поздней датировки *PV*, которые мы не можем обсудить в данной статье, имеют не столько доказательный, сколько диагностирующий характер. Они высвечивают с разных сторон уникальные особенности этой драмы, – и в этом их ценность, – но не доказывают ни ее позднюю дату, ни – тем более – ее неэсхилловскую принадлежность. Здесь может быть уместно лишь напомнить, что Аристотель, выделяя четыре вида трагедии, объединяет *PV* с *Форкидами* и драмами об Аиде.⁵¹ Несмотря на безнадежное состояние текста *Поэтики* в этом месте, ясно, что объединены они, скорее всего, по сюжетно-композиционному принципу.⁵² Существенно, что эта категория, видимо, была представлена для Аристотеля почти исключительно Эсхилом (об Аиде для Эшила засвидетельствованы *Ψυχαγωγοί* и *Ψυχοστασία*; сюда же могли быть отнесены более поздние драмы о Пирифое).⁵³ Отсюда ясно, что многие черты *PV* уникальны лишь потому, что не сохранилось полностью ни одной другой эсхилловской драмы этого типа. В частности, в отношении как возможного контекста появления Тифоновского фрагмента в *PV*, так и особенностей композиционной структуры драмы, интересно ее сопоставление с тем, что мы знаем об эсхилловской драме *Этнеянки*.

Ее постановка связывается с основанием города Этны, *Vita Aesch.* 13–15: Ἰέρωνος τότε τὴν Αἴτνην κτίζοντος ἐπεδείξατο τὰς Αἰτναίας οἰωνίζομενος βίον ἀγαθὸν τοῖς συνοικίζουσι τὴν πόλιν. Город Этна возник в 476 г. в результате синойкизма переселенцев из Пелопоннеса и Сиракуз, сменивших по воле Гиерона старое население Катаны, как

⁵¹ *Poet.* 56 a: τὸ δὲ τέταρτον †οἷς†, οἷον αἱ τε Φορκίδες καὶ Προμηθεὺς καὶ ὅσα ἐν Αἴδου.

⁵² Из предлагавшихся восстановлений текста интересно предположение G. F. Else. *Aristotles' Poetics* (Leiden 1957) 522–530: [τὸ δὲ τέταρτον] <ἢ δὲ ἐπεσοδιώ>δης, поскольку оно адекватно описывает структуру, засвидетельствованную *PV*. Если принять в качестве восстановления τὸ δὲ τερατώδης (Schradler), тогда эти драмы, видимо, объединялись по характеру их сюжетов “о чудесных, необыкновенных вещах”. Но особенности сюжетов несомненно должны были служить предпосылкой для сходного композиционного решения этих драм. Об этом свидетельствуют фрагменты комедии Кратина *Σερίφοι* (222–223, 343). Поскольку структурно текст фрагментов близко напоминает предсказания Прометейя, Уэст полагает, что объектом пародии Кратина был *PV*. Однако использование Кратином сюжета о Персее свидетельствует, на наш взгляд, о том, что в этой комедии пародировалась драма Эшила *Форкиды*, в основе которой лежали приключения Персея у Горгон. Если это так, то в *Форкидах* и в *PV* использовался общий композиционный прием: предсказания герою его пути, что, с вытекающим отсюда структурным сходством двух драм, подтверждает обоснованность их отнесения Аристотелем к одному виду.

⁵³ Else (прим. 52) 528 f.

раньше называлась Этна, выселенное им в Леонтины. Первым упоминанием города Этны может считаться посвящение первой Немейской оды Пиндара, ΧΡΟΜΙΩΙ ΑΙΤΝΑΙΩΙ (476 г.), в которой также впервые упоминается Этнейский Зевс (*Nem.* 1, 6: Ζηνὸς Αἴτναιίου χάριν), получивший официальный культ в новом городе. Такое же посвящение имеет девятая Немейская ода (474 г.),⁵⁴ в которой говорится и о ново-созданной Этне (*Nem.* 9, 2: τῶν νεοκτίστων ἐς Αἴτναν).⁵⁵ Несмотря на эти указания на основание Этны в 476 г., большинство исследователей разделяет точку зрения Мазона, согласно которой официальные торжества в честь основания города имели место в 470 г. и именно тогда вместе с одой Пиндара была представлена и драма *Этнеянки*.⁵⁶ Основным аргументом здесь является первая Пифийская ода Пиндара (470 г.), в которой Гиерон называется κλεινὸς οἰκιστὴρ (31) Этны, высказываются пожелания будущего процветания города (36–37) и восхваляется в качестве его царя сын Гиерона Дейноменей (60–62). Шестилетнюю отсрочку торжеств в честь основания города Мазон объясняет тем, что, хотя город и был заселен в 476 г., в последующие годы (476–471) Гиерон был вовлечен в ряд военных конфликтов и поэтому официальное празднование было отложено. Единственным преимуществом этой гипотезы является ее “экономичность”: поездки Эсхила в Сицилию можно таким образом свести к двум, первой – между 472 и 468 г., и второй – в последние годы жизни после постановки *Орестей* в 458 г. Датировка *Этнеянок* 476 г. предполагала бы еще одну, более раннюю поездку Эсхила в Сицилию. Ничего невозможного в этом нет.⁵⁷

Хромий Этнейский, адресат *Nem.* 1 и 9 (476 и 474 г.), был назначен Гиероном правителем “новосозданной” Этны при его, видимо, несовершеннолетнем сыне.⁵⁸ В *Nem.* 9 (474/3 г.) Пиндар по сути дела, как и в *Puth.* 1, 33–40, благословляет новый город, прося Зевса уготовить его жителям благозаконный удел и городские празднества (29–31: μοῖραν δ’ εὐνομον / αἰτέω σε παῖσιν δαρὸν Αἴτναιίων ὀπάζειν, / Ζεῦ πάτερ, ἀγλαΐασι δ’ ἀστυνόμοις ἐπιμίξαι / λαόν). Упоминание о городских праздниках (ἀγλαΐαι ἀστυνόμοι), вероятно, можно связать с Этнеями,

⁵⁴ Баура полагает, что она могла быть создана в 473 г. после отъезда Пиндара из Сицилии: С. М. Bowra. *Pindar* (Oxford 1962) 409.

⁵⁵ ‘Благооснованная Этна’ упоминается в *Vacchyl.* 20 с 7: Αἴτναν ἐς ἐύκτιτον (после 476 г., на основании упоминания Олимпийской победы Гиерона).

⁵⁶ P. Mazon. *Eschyle* I (Paris 1920) Intr. IV n. 1.

⁵⁷ Такую возможность допускает и А. Лески, оставляя, таким образом, вопрос о датировке *Этнеянок* открытым: А. Lesky. *Die tragische Dichtung der Hellenen* (Studienhefte zur Altertumswissenschaft 2, Göttingen 31972).

⁵⁸ *Schol. Pind. Nem.* 9. inscr.: ὁ δὲ Χρόμιος οὗτος φίλος ἦν Ἰέρωνος, κατασταθεὶς ὑπ’ αὐτοῦ τῆς Αἴτνης ἐπίτροπος· ὄθεν καὶ Αἴτναιὸς ἐκνήρυθη.

праздником в честь Зевса, который был учрежден в новом городе.⁵⁹ Частью праздника, возможно, были колесничные бега, любимый вид состязаний Гиерона, о чем свидетельствует и продолжение текста Пиндара, *Nem.* 9. 32 f. (ἐντι τοι φίλιπλοί τ' αὐτόθι).⁶⁰ Учреждение культа, Этнеи, наконец, благословение новосозданного города в *Nem.* 9 служит указанием на то, что при основании города были проведены необходимые религиозные церемонии и связанные с ними торжества. Это не противоречит возможности проведения дополнительных торжеств в 470 г. К этому времени Гиерон одержал ряд военных побед, укрепив тем самым свою власть, а его сын Дейноменей достиг возраста, когда мог полноправно принять бразды правления и именоваться царем Этны. Важным поводом была и победа Гиерона на Пифийских играх в 470 г. В центре торжеств 470 г. могло быть не столько основание города, сколько вступление в царскую власть Дейноменея и победы Гиерона, закрепившие за ним славу военного вождя греческого запада (в *Pyth.* 1, 73–78 Пиндар сравнивает победу Гиерона при Кумах не более и не менее как с победами над персами при Саламине и Платеях, 75: Ἑλλάδ' ἐξέλεκων βαρείας δουλίας). Пифийская победа Гиерона была лишь символическим подтверждением его военных побед.

Драма *Этнеянки* уникальна тем, что действие пяти ее отдельных частей, как явствует из сохранившегося фрагмента ὑπόθεσις, происходило в различных местах Сицилии.⁶¹ Это создает неразрешимые на сегодняшний день проблемы драматической композиции,⁶² которые показывают ограниченность наших представлений о драматической технике Эсхила. Недостаточность сведений о содержании драмы оставляет открытым вопрос о том, была ли она набором сюжетно слабо связанных друг с другом частей, или же у нее был единый сюжет.⁶³

Определенные свидетельства имеются лишь о содержании четвертой части драмы, действие которой происходило близ Леонтин. Эсхил здесь использовал или, скорее, обработал миф о божественных брать-

⁵⁹ *Schol. Pind. Ol.* 6, 162 a: ἐν τῇ Αἴτνῃ Διὸς Αἰτναίου ἄγαλμα ἴδρυται, καὶ εορτὴ Αἰτναία καλεῖται.

⁶⁰ A. Kossatz-Deissman. *Dramen des Aischylos auf westgriechischen Vasen* (Mainz 1978) 43.

⁶¹ *P. Oxy.* 2257, 1 (fr. 26 M.).

⁶² O. Taplin. *The Stagecraft of Aeschylus* (Oxford 1977) 416 ff.

⁶³ Френкель и вслед за ним большинство исследователей склоняется к тому, что это был праздничный спектакль (Festspiel), состоящий из отдельных актов, лишенных драматического единства: E. Fraenkel. *Vermutungen zum Aetna-Festspiel des Aeschylus* // Idem. *Kleine Beiträge zur klassischen Philologie* I (Roma 1964) 249–262. В пользу второй возможности см. L. Poli-Palladini. *Some Reflections on Aeschylus' Aetnae(ae)* // *RhM* 144 (2001) 289 ff., 304 ff., здесь же библиография вопроса.

ях Паликах, местных сицилийских божествах (Macrob. V, 19, 26), связанных с необычным двойным источником горячей воды на склонах Этны недалеко от Леонтин, о котором пишет Страбон (VI, 2, 9): οἱ Παλικοὶ δὲ κρατῆρας ἔχουσιν ἀναβάλλοντας ὕδωρ εἰς θολοειδῆς ἀναφύσημα καὶ πάλιν εἰς τὸν αὐτὸν δεχομένους μυχόν. Рядом с источником находилось святилище, о большой древности и почитаемости которого сообщает Диодор (XI, 89). Мать Паликов Талия, после того как ее соблазнил Зевс, была поглощена землей, откуда и появились на свет ее сыновья (Macrob. V, 9, 17). Миф о Паликах – типичный этиологический миф, как показывает и единственный надежный фрагмент драмы, в котором Эсхил дает народную этимологию этого имени (Macrob., *ibid.*: ἀπὸ τοῦ πάλιν ἰκέσθαι):

Α. τί δῆτ' ἐπ' αὐτοῖς ὄνομα θήσονται βροτοί;
 Β. σεμνοῦς Παλικοῦς Ζεὺς ἐφίεται καλεῖν.
 Α. ἦ καὶ Παλικῶν εὐλόγως μένει φάτις;
 πάλιν γὰρ ἦκουσ' ἐκ σκότους τόδ' ἐς φάος.

Особенности этих источников не могли не связываться с вулканической деятельностью Этны, на что указывает и генеалогия Паликов. По Эсхилу, они происходят от Зевса и дочери Гефеста Талии. Согласно версии Силена, которая делает связь Паликов с вулканом еще более очевидной, они были сыновьями Гефеста и дочери Океана Этны.⁶⁴ Наконец, по Гесихию, отцом Паликов был Адран,⁶⁵ широко почитавшееся коренным населением божество огня, аналог Гефеста. У Эсхила Палики связаны с Гефестом через мать, нимфу Талию. Интересно изображение Циглера, который предположил, исходя из этимологии имени, что Талия у Эсхила является олицетворением изобилия местности, где находились источники, а ее происхождение от Гефеста указывает, что с ним ассоциировалась вулканическая деятельность Этны.⁶⁶ Другим отражением этого представления является миф о споре Деметры и Гефеста за Сицилию, о котором говорилось выше в связи с метафорой огня, пожирающего плодородные почвы Сицилии (*PV* 368 sq.). Таким образом, разработка Эсхилом мифа о Паликах говорит о его близком знакомстве с сицилийской мифологией, связанной с Этной. Это в достаточной степени объясняет само появление Тифоновского эпизода в *PV* и его отдельные элементы (Гефест и плодородие Сицилии).

⁶⁴ Steph. Byz. s. v. Παλική.

⁶⁵ Hesych. s. v. Παλικοί· Ἀδράνω δύο γεννῶνται υἱοὶ Παλικοί. Древние местные божества должны были иметь местную генеалогию, и наиболее подходящим кандидатом на роль отца Паликов является как раз бог огня. О широком почитании святилища Адрана на Этне см. Diod. XIV, 37, 6; Plut. *Tim.* 12, 2.

⁶⁶ K. Ziegler. Palikoi // *RE* 18 (1949) 100–123.

Исходя из фрагмента о Паликах, можно думать, что действие *Этнеянок* происходило в отдаленном мифическом прошлом⁶⁷ и что в драме цитировались и другие подобные пророчества. Вполне возможно, что посредством *vaticinia ex eventu* в ней говорилось об установлении основных культов на подвластной Гиерону территории (Этна, Ксутия, Леонтины, Сиракузы) и соответственно приводились генеалогии и (или) излагались сюжеты, связанные с важными местными божеествами. Но именно этот структурный принцип широко используется в *PV*, где, в частности, как *vaticinium ex eventu* изображается извержение Этны. Во фрагменте о Паликах пророчество совмещено с объяснением этимологии имени, что вообще очень характерно для Эсхила. Ряд таких примеров есть и в *PV* (732–734, 840–841, 848–852).

Как можно думать на основании ὑλόθεσις, структура драмы, даже если Эсхил использовал в ней единый драматический мотив, имела эпизодический характер. Это сближает *Этнеянок* с *PV* и другими драмами подобного типа.⁶⁸ О содержании других частей драмы, кроме названия местностей, где происходило их действие, ничего не известно. Но если она имела эпизодический характер, можно допустить, что в ней были использованы другие местные предания. Действие последнего, пятого акта происходило в Сиракузах. Он мог быть посвящен учреждению культа Деметры и Коры, который играл в Сицилии особую роль и, в частности, был основным культом Сиракуз. Уже в *Pyth.* 10, 12 (490 г.) Пиндар называет Сицилию Φερσεφόνας ἔδος, а в посвященной Хромии Этнейскому *Nem.* 1 говорится о том, что Зевс (в ст. 6 упоминается Этнейский Зевс) отдал остров Персефоне, чтобы возвеличить плодородную землю Сицилии (11–15). Похищение Персефоны нередко связывалось с Этной (Carc. Jun. 5; Mosch. III, 121; Diod. V, 4, 3). Об относительной древности этой традиции свидетельствует тот факт, что уже Гелон начал возводить на Этне храм Деметры, строительство которого было прервано его смертью (478 г.).⁶⁹ Но наиболее важным обстоятельством для нашего предположения о сюжете *Этнеянок* является то, что культам Деметры и Коры, а также Этнейского Зевса особо покровительствовал Гиерон, *Ol.* 6, 95 sq.: (Γέρων) ἀμφέτετ Δάματρα, λευκίλλου τε θυγατρὸς ἑορτὰν, / καὶ Ζηνὸς Αἰτναίου κράτος.

Действие еще двух частей драмы, первой и третьей, происходило на Этне. Поскольку четвертая часть посвящена Паликам, в третьей, вероятно, речь шла о похищении матери Паликов Талии Зевсом. Есте-

⁶⁷ Poli-Palladini (прим. 63) 289 f. Anm. 6.

⁶⁸ Else (прим. 52) 526–529.

⁶⁹ Diod. XI, 26. Непосредственно перед этим Гелон возвел два значительных святилища Деметры и Коры в Сиракузах, см. *ibid.*

ственно предположить, что первая часть тоже должна была быть связана с Этнейским Зевсом. В ней, возможно, фигурировали пророчества об учреждении его культа в новом городе. Этнейский Зевс связан с горой, от которой получил название и город.⁷⁰ Уместно задаться вопросом, чем руководствовался Гиерон, выбирая для нового города имя Этна и устанавливая в нем культ Этнейского Зевса. Думается, что извержение вулкана 479 г. оживило интерес к уже существовавшему преданию о том, что Зевс одержал решительную победу над своим последним противником, заключив его под Этну (*Ol.* 4, 6: ὦ Κρόνου παῖ, ὃς Αἴτναν ἔχεις, / ἴπον ἀνεμόεσσαν ἑκατοῦ κεφάλαια Τυφῶνος ὄβριμον). Никак не коснуться этой темы в драме, связанной с основанием Этны, едва ли было возможно.

Таким образом, создание драмы *Этнеянки* оказывается весьма вероятным импульсом для обращения Эсхила к сюжету сицилийской тифономахии, получившему развернутое воплощение в *PV*. Это касается в первую очередь использования сицилийского мифологического материала. Не меньший интерес, однако, представляет структурная близость двух драм, служащая примером той необычной драматической композиции, единственным сохранившимся образцом которой является драма о Прометее. Это сходство трудно игнорировать, даже если следовать предположению о постановке *Этнеянок* в 470 г.

В. Т. Мусбахова
Фессалоники

It has been agreed since long that the similarities between Typhos narrations in Pindar's *Pyth.* 1. 15–28 and *PV* 351–372 suggest that they are not independent descriptions. But though the examination of their stylistics did not prove the dependence of one on another, the common opinion points to Pindar as the source for *PV* (on chronological grounds), with the exception of von Mess, who made a case for common epic source on which both poets drew. Griffith rejected von Mess' hypothesis on the grounds that the supposed epic poem should have contained the aetiology of Aetna eruption (this is impossible according to Griffith in our lack of evidence about eruptions before 479 BC) and argued for *Pyth.* 1 as the source of *PV*. His reasons are not decisive and appeal once more to the accepted by many late date for *PV*. Besides that Griffith's point requires us to believe that the aetiology of Aetna eruption could have been invented by one or

⁷⁰ *Pyth.* 1, 29–32: εἴη Ζεῦ ... / ὃς τοῦτ' ἐφέπεις ὄρος ... τοῦ μὲν ἐπωνυμίαν / κλεινὸς οἰκιστὴρ ἐκύδαεν πόλιν / γείτονα.

another poet. But it is highly improbable that either Pindar or any other poet could invent the aetiology of volcanic eruption. There is a good deal of evidence including archaeologically proved data to suppose that the volcanic activity of Aetna, as well as that on the island of Pithecussae, was well known before the famous eruption of 479 BC. We may suppose the existence of oral tradition that linked volcanic activities with Typhos as a source for both poets without hypothesizing an epic poem on particular subject. The texts support this statement: Typhos was surely imagined by both authors as a fire-spitting monster (on the contrary in *Theogony* it is by Zeus' thunderbolt that Typhos is burnt to ashes), but nowhere he is called *πύρπνοος* (Aesch. *Se.* 493, 511), though the detail should be of great importance for the newly invented aetiology of eruption.

On the assumption that none of the poets was responsible for the aetiology and without adducing the theory of the third source the same selection of mythological stuff by the poets clearly points towards the dependence of one text upon the other. Their close examination resulted in following conclusions.

1. It has proved once more that the texts are stylistically independent and pursue two different scopes. The same event is seen by the authors from two contrary points of view, that of the victor and that of the vanquished. The author of *PV* refers to the eruption of Aetna so as to demonstrate the vulnerability of the power using brute force against its opponents. For Pindar the scale of the eruption itself, i. e. the force of subdued and imprisoned enemy, is to illustrate the mightiness of Zeus and the greatness of his victory.

2. The Typhos narrative in *PV* reveals close familiarity of its author with the volcanic characteristics of Aetna, namely with the fact that it is a constantly active volcano. From the time when Typhos was imprisoned beneath the mount it is Hephaestus that permanently works on its peaks. This present situation is denoted by the adverb *vōv* which makes transition from past events of Typhomachia to the now of the natural phenomenon and has close parallel in *Il.* 24. 614–617 where it denotes the stage of Niobe myth when she is petrified. No such meaning can be adduced for the use of *vōv* by Pindar. It seems rather preserved by the poet from his source where it introduced the aetiology of the eruption as a part of Typhos myth and corresponded to past events of Typhomachia. In *PV* *vōv* is contrasted not only to the past of Typhos' rebellion but also to the future of outburst of his anger (Aetna eruption). The eruption itself is described by means of a single metaphor of jaws of fire devouring rich soils of Sicily which may be compared to the story of Hephaestus' struggle against Demeter for the possession of Sicily (Sim. Fr. 200 Bergk) routed in local mythology.

3. There is strict coincidence in compositional structure of both Typhos narrations (see the table on p. 25). In every case there is preamble in which the Typhos myth is introduced by *ὅς* as an exemplum of Zeus' power seen from the two contrary viewpoints. The mythological description of Typhos that follows in *PV* naturally develops in the narration about his struggle against Zeus, while Pindar starts from its result (*Pyth.* 1. 15: *ἐν αἰνῶ Ταρτάρῳ κεῖται*) exposing the characteristics of Typhos in the order reversed as compared both to that of *PV*

(*Pyth.* 1. 15–17: θεῶν πολέμιος, ἑκατοντακάρανος, τὸν... Κιλικίον θρέψεν... ἄντρον / *PV* 351–354: τὸν... Κιλικίων οἰκήτορα, ἑκατογκάρανον, ἀντέστη θεοῖς) as well as to the chronological sequence of the events in the myth. The transition to the aetiology of volcanic activity is made by the adverb νῶν which in *PV* is marked out by the opposition to the past and future while in Pindar its only function is to introduce the main topic of narration. Finally, in both cases there is a conclusion for the aetiological part introduced by qualitative (τοιόνδε) or demonstrative (κεῖνο, related to the qualitative οἶον) pronoun emphasized by its position in the verse.

These coincidences cannot be accidental, nor can be due to the third source, because the preamble and the conclusion of this type are not characteristic of epic narrative. Thus Pindar could compose his ode having in mind the Typhos description in *PV* and if we take in account the peremptory statement that introduces Pindar's narrative (*Pyth.* 1. 13: ὅσσα δὲ μὴ πεφίληκε Ζεὺς), he may have conceived it as a rivalry version of Prometheus' myth which scoped to restore Zeus's glory in its full greatness.

So the date of *PV* should be put before 470 BC. Aeschylean *Aetnaeae* were performed on the occasion of foundation by Hieron of the new city of Aetna. The evidence of some Pindaric odes, prior to 470 BC, makes probable that it took place before this date and precludes us from accepting Mazon's 'economic' supposition (to reduce Aeschylus' visits to Sicily to two) that the *Aetnaeae* were performed on the same occasion as Pindar's *Pyth.* 1. The fragments of the drama display some interesting similarities with *PV*: it had an episodic structure much more abrupt than that of *PV*, as in *PV* there was probably done some use of *vaticinia ex eventu*, and it dealt with local legendary stock closely associated with the volcano. If the drama was performed in 476 BC (Ἰέρωνος τὴν Αἴτνην κτίζοντος) the Typhos narration in *PV* may reflect Aeschylus' acquaintance with Sicily during his first visit to the island.